

Внимательные читатели, я уверен, уже давно обратили внимание на рассказы и статьи Николая Офитова, которые в последнее время с завидной регулярностью публикуются в газете «Слово», журнале «Вертикаль. XXI век», в блоге «Союз писателей России. Нижегородская областная организация». Есть в текстах этого автора неподдельная искренность, сопереживание, неравнодушие — те свойства, которые в последние десятилетия как-то незаметно оказались вытесненными из русскоязычной литературы.

Я не оговорился — именно русскоязычной, потому что истинно русская литература всегда несла в себе правду окружающей жизни. А правда не совместима с равнодушием.

Настоящая литература немыслима без внутренней свободы писателя. Потому-то её зачастую и называют исповедальной.

Что значит слово в нашей жизни? И что значит художественное произведение, созданное этим словом? Возможно ли наше существование без книги? Как дико эти вопросы звучали бы ещё 25–30 лет назад, когда огромная страна не мыслила своего существования без литературы.

Вот и Николай Офитов даёт на эти вопросы однозначный, жёсткий, принципиальный ответ своим сборником «На Ключищинском косогоре». С того времени, о котором он нам повествует, многое изменилось. Во спасение книги, в напоминание о её существовании в России даже объявляли Год литературы. Но не похоже, чтобы это помогло самой литературе.

Но почему мы вдруг почувствовали, что истощающийся слой истинной литературы гибелен для нашего общества?

Главное таинство литературы (настоящей, такой, которую предлагает читателям Офитов, а не самодельных поделок) сокрыто в создании образа. Не во плоти и крови, но в то же время живого — страдающего, любящего, ненавидящего, заблуждающегося, предающего, раскаивающегося, жертвующего... Образа, который в полноте своей вмещает иную человеческую жизнь. Другими словами — отражает её, жизнь, во всём многообразии, которое только возможно при существовании человека на земле. И труд этот немыслимо осуществить, лишь приложив (пусть кропотливые, долгие, искренние) старания. Здесь нужно нечто совсем иное, что, за неумением более точно осмыслить и обозначить это понятие, мы дали ему название, взяв из Евангелия, из притчи, рассказанной Иисусом Христом своим ученикам о талантах. Мы назвали это состояние человеческого духа — талантом. Иначе — способностью, сострадая, впуская в свою душу только зарождающуюся иную жизнь, ещё только смутно постукивающую в сердце художника робким пальчиком, явить её в итоге со временем миру полной, состоявшейся. Пустить эту вновь рождённую жизнь в свет, в пространство, где живём (существуем, обитаем) мы сами и где она найдёт как своих друзей, которые полюбят созданного писателем героя (и с тех пор он будет жить с ними явно, как и люди во плоти), так и недругов, что отвергнут его, лишат своего внимания.

Так в соединении плоти, интеллекта, духа и рождается образ. Мы его называем литературным. Но если все требования таланта выполнены, то разве созданные художником герои не начинают жить своей самостоятельной жизнью? И тут вовсе не обязательно вспоминать только классические примеры: Евгения Онегина и Татьяну Ларину, Пьера Безухова и Наташу Ростову, князя Мышкина и Родиона Раскольникова, Аксинью и Григория Мелихова... Да, эти, созданные гениальными русскими писателями А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, М.А. Шолоховым образы столетия живут с нами, среди нас. Мы уже не можем представить своей жизни без «Евгения Онегина», «Войны и мира», «Идиота», «Преступления и наказания», «Тихого Дона» — величайших книг. Но кроме образов, населяющих эти книги, ещё миллионы и миллионы литературных героев наполняют наше духовное пространство. Хотим мы того или нет, но они в совокупности влияют на нашу жизнь, на наши поступки, на наше мироощущение.

Иными словами — только живой образ, рождённый, созданный писателем из своего внутреннего духовного резерва, делает литературу литературой. Ведь в нём должна найти убежище душа. Потому что тут происходит соединение писателя с Богом, соединение «твари, явленной из праха земного» — с Творцом. Но произойти это может только в свободной воле. Если же мы истребляем, теряем национальную литературу, то тем самым как народ теряем свободу духа, свободу мысли, свободу созидания.

Подзабытый у нас в последнее время В.Г. Белинский в статье «Стихотворения М. Лермонтова» справедливо писал: «...Каждое лицо в художественном произведении есть представитель бесчисленного множества лиц... В науке и искусстве действительность больше похожа

на действительность, чем в самой действительности, — и художественное произведение, основанное на вымысле, выше всякой были...»

Но вернёмся к прозе Николая Офитова.

Он создаёт образы не из «умозрительного пространства», а извлекает их из собственной памяти, души, сердца. Потому-то они так живы, достоверны, близки нам.

Николай Викторович рассказывает о давно ушедших людях, но так, что для читателей создаётся полное впечатление, что они и сейчас живут среди нас — любят, страдают, помогают ближним, терпят несправедливость и жестокость.

Для меня общение с этим писателем дорого не только потому, что мы земляки, что отцы наши родились и жили на юге Нижегородской губернии, а значит, многое из того, о чём рассказал писатель в своей автобиографической прозе, непосредственно находит отклик и в моём сердце. Нет, главная ценность нашему родству душ идёт от тех оценок, что выносим мы с Николаем Викторовичем времени — как прошлому, так и нынешнему — в котором жила и живёт наша страна.

Офитов написал рассказы, но все сюжеты их не выдуманы, а взяты из собственной жизни. И о трудном военном детстве («Хлеб плакал», «На Ключищинском косогоре», «По дрова», «Хлеб войны»), и о тепле материнской заботы («Жаворонки»), и о крестьянском быте («У самовара», «Дарьял», «Душа русской избы») он повествует не с чужих слов, а исходя из собственного жизненного опыта. Потому и имеет право так закончить один из своих рассказов:

«Земля — главная наша ценность и богатство. Она должна быть в надёжных и добрых руках и приносить тоже добро. Ведь она живая, у неё, как и у человека есть душа... Ушли мы из родных сёл и деревень, бросили на произвол судьбы. И теперь, наведываясь на свою малую родину, вижу безлюдный простор с зарослями репья, полыни и крапивы. И эти заросли такие густые и высокие, что даже уже и не припомнить, где стояли некогда добротные, ныне исчезнувшие избы милых сельчан и росла цветущая красным и белым цветом, сирень, бегущая за околицу. И такая боль набегает на сердце, что не знаешь, куда себя деть, на глаза навёртываются слёзы и хочется кричать:

— Лю-ю-ди, где-е вы-ы?! Верни-и-тесь... Ведь земля умирает, когда с неё уходим мы».

Да, проза Офитова зачастую публицистически остра. Но эта публицистичность не самоцель в его произведениях. Это говорит в писателе обострённое чувство справедливости, горечи за поруганные святыни, оболганную историю, разворованные богатства страны, что с таким невероятным трудом создавал весь наш народ — если говорить несколько отвлечённо. А если конкретно — то деды, родители многих поколений русских крестьян. Да и он сам, будущий писатель Николай Викторович Офитов — тоже. Потому он и имеет право спрашивать с тех, кто принёс столько бед и страданий русскому народу за прошедшие постперестроечные годы. Имеет право на такие выводы, исходя из опыта собственных прожитых лет:

«Я всегда довольствовался малым и прежде всего ценил справедливость, честь и совесть. Ценил хлеб, выращенный в поле, зная, как нелегко он доставался крестьянину, ценил родниковую воду, топливо, которое достать и привезти, в те лихие годы было нелёгким делом. И, конечно, старался хранить огонёк и тепло родного очага, как самое необходимое, без чего невозможно человеческое существование и жизнь на земле.

Ныне это забывается. Пришло другое время и иной, можно сказать, бесчеловечный капиталистический строй с его наживой любой ценой. Пришли ценности потребительства. Ложь, обман. Если и дальше будут культивироваться эти ценности, то будет нам ещё хуже. И жаль, что исконные ценности русского народа подвергаются забвению. И в цене ныне: "обмани ближнего своего"».

Ещё одна черта прозаического творчества Николая Офитова — глупая, преданная любовь к матери.

Когда я бываю в Москве, в гостях у Николая Викторовича, то каждый раз невольно любуюсь фотографией, на которой запечатлён образ этой простой русской женщины, лицо которой лучится доброй приветливостью. И одновременно в этом образе читается такая непростая, с лишениями и скорбями, судьба. Может быть потому, что вся скорбь жизни постигнута собственной судьбой. Оттого-то она так и добра к другим людям. Добра и сострадательна.

В этом образе есть что-то иконописное, чистое, духовно глубокое.

А ведь ничего особенного на этой фотографии вроде бы нет. Сидит за столом (видимо — праздничным) в выходной деревенской кофте русская истрадававшая женщина. В вазочке варенье. Готовится хозяйка к чаепитию. Улыбается неведомому нам гостю и ли собеседнику. Вернее всего — сын в гости приехал. Вот и вся мудрость жизни, вся её философия.

Фотография стоит на стеллаже с книгами (а квартира писателя — это сплошная библиотека, замечательное собрание томов по истории, русской и зарубежной поэзии, философии, искусству, шахматам... да каких только книг в ней нет — я сам с удовольствием пользуюсь этими собранными сокровищами, этим кладезем человеческой мысли) и встречает всякого, кто входит в этот дом, согретый человеческим вниманием и доброжелательностью.

Глядя на фотографию матери, любой сразу поймёт, что и хозяин этого «книжного пространства» человек мудрый, добрый, сострадательный. И все эти качества его души не от множества почёрпнутых в умных книгах знаний. Их впитала его душа, как наследство, вот от этих простых, но мудрых русских людей, представителем которых и была его матушка. Эти простота и мудрость, что дали нашему народу такую великую жизнестойкость, накоплены опытом многих и многих поколений.

Я люблю слушать, когда Николай Викторович рассказывает о своей прошлой жизни — деревенской, студенческой (а он закончил факультет журналистики Московского государственного университета имени М. Ломоносова), издательской (готовил тома советской детской энциклопедии), о девяностых годах разрухи, пережитых нашей Родиной в конце XX века. Сюжеты многих рассказов, что вошли в книгу «На Ключицинском косогоре», я впервые услышал в устном повествовании автора.

Отца Николая почти не помнит. Рядовой Виктор Офитов так и не вернулся с Великой Отечественной войны. Лишь однажды пришёл он к сыну — во сне. Радостной и горькой одновременно была эта встреча.

А ещё я люблю слушать, когда поздним вечером, в полумраке, при свете настольной лампы, что освещает лишь поверхность письменного стола, Николай Викторович вслух, по рукописям, читает свои рассказы-воспоминания, или эссе о творчестве друзей-писателей, поэтов, или негромко нашёптывает строки ещё окончательно не завершённого стихотворения — ищет точность выражения, образного построения фразы, чтобы наиболее точно был передан смысл, вложенный поэтом в произведение.

Тогда в комнате, среди полок с книгами и цветами, оживают образы разных людей, которые размышляют о прошлом и будущем нашей страны, обличают несправедливость, призывают к добру и милосердию, состраданию, восхищаются красотой русской природы, призывают помнить наших предшественников.

Это именно живые образы, а не тени, вызванные из небытия.

И нет мне большей радости, чем быть среди них.

Книга Николая Офитова «На Ключицинском косогоре» душеспасительна. Это разговор с вечностью. Разговор исповедальный, доверительный, но (бывает и такое) и нелицеприятный.

Это призыв как к нашему собственному спасению, так и спасению Отечества в целом — любимой нами России.

Февраль 2018 года